

俄译汉练习材料汇编

俄汉翻译教材编写组

中国人民解放军外国语学院一系

一九九七年七月

СТОЙКОСТЬ

Студенты Одесского политехнического института -- члены клуба «Романтик» -- проводили итоговое заседание. После докладов и сообщений было объявлено:

--Слово предоставляется Герою Советского Союза полковнику в отставке Александру Константиновичу Константинову.

Встал пожилой человек в очках. В отличие от других выступавших он не пользовался написанным текстом. Речь его была стройной, аргументированной.

-- Какая эрудиция! -- взволнованно сказал сидевший рядом со мной студент. -- Впечатление, будто человек целые страницы наизусть выучил.

Как же был потрясен юноша, когда узнал, что Александр Константинович -- незрячий...

Глаза у Константинова раньше были зоркими. Ни разу не подвели офицера за 28 лет службы на границе при выслеживании и задержании нарушителей западных, южных и дальневосточных рубежей страны, где он прослужил от помощника начальника заставы до начальника погранотряда.

Наиболее яркая страница биографии Александра Константиновича -- 1941 год. Утром 22 июня фашисты переправились через реку Прут и обрушились на 5-ю погранзаставу. Посланный туда с резервом начальник штаба 1-й комендатуры 25-го погранотряда старший лейтенант Константинов взял на себя руководство боевыми действиями. Враг был отброшен с советской территории.

Берега Прута в том месте соединялись шоссейным и железнодорожным мостами. Участок границы имел чрезвычайно важное значение. И гитлеровцы ввели здесь в бой большие силы. Пограничники совместно с эскадронам 136-го кавполка отбивали атаку за атакой. Изнурительные бои продолжались 11 дней. Имевшим значительное численное преимущество фашистам все-таки удалось захватить мосты. Но когда поступил приказ отбить их и взорвать, пограничники неожиданно для врага пошли на штурм и выполнили боевую задачу. Наступил июль, а командир 25-го отряда по-прежнему докладывал: «Противника на нашей территории нет». 5-ю заставу называли тогда береговой крепостью...

За стойкость и мужество, проявленные в том приграничном сражении, старшему лейтенанту А. Константинову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 года присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны он продолжал службу на других заставах. Но ранения, контузии все-таки сказались на состоянии его здоровья. В 1960 году полковник Константинов уволился в запас. И пусть теперь его не будили по ночам тревожные телефонные звонки -- он не сидел сложа руки. Тринадцать лет работал в Черноморском морском пароходстве. Постоянно избирался членом парткома управления пароходства, возглавлял группу народного контроля, был командиром добровольной народной дружины. И систематически вел пропагандистскую работу не только в своем коллективе, но и на других предприятиях, в школах, институтах и училищах города-героя Одессы.

Потеря зрения произошла более 10 лет назад. Полный

энергии и физических сил человек, имеющий богатый профессиональный и жизненный опыт, оказался почти беспомощным. Это было самое страшное испытание из тех, что пришлось до сих пор пережить Константинову.

Чтобы выдержать удар судьбы и не впасть в отчаяние, требовалось величайшее мужество. Мужество и стойкость.

Александр Константинович не сдался. Продолжал встречаться с молодежью, стал работать на дому.

В окна квартиры на четвертом этаже одного из одесских домов солнце заглядывает с раннего утра. Александр Константинович делает физзарядку, к которой привык еще в армии. Затем включает радиоприемник и прослушивает последние известия. Когда передают важное сообщение, он включает магнитофон.

Потом прослушивает записи по несколько раз. Запоминает цифры, наиболее важные формулировки. Надо надеяться только на память, и она не должна его подводить.

Иные недели у ветерана заняты, как говорится, под завязку. Урок мужества в школе. Поездка на заставу. Участие в конференции. Встреча с воинами на тематическом утреннике. Выступление перед призывниками. Особенно тепло встречают фронтовика в воинских частях. Для молодых солдат и офицеров полковник в отставке Константинов -- олицетворение большого мужества, стойкости, безграничной верности идеалам коммунизма. О таких вот людях шла речь на встрече руководства Министерства обороны СССР с ветеранами наших Вооруженных Сил.

Н. ЗАБУРОВСКИЙ

单词注释

Александр Константинович Константинов

亚历山大·康斯坦丁诺维奇·康斯坦丁诺夫

пограничная застава 边防小队

комендатура 边防大队

погранотряд 边防总队

кавалполк 骑兵团

Черноморское морское пароходство 黑海海运公司

управление 管理局

добровольная народная дружина 纠察队

тематический утренник 专题报告会

СУДЬБА РАЗВЕДЧИКА

5 сентября 1974 года в «Красной звезде» был опубликован очерк «Дорога на Куберле». Напомню читателям вкратце его содержание.

В начале августа 1942 года после ожесточенных боев под Ростовом и в излучине Дона войска 51-й армии отошли на новый рубеж. В боях наступила пауза. Гитлеровцы перегруппировывали свои силы для дальнейшего наступления. В это время, как никогда, важно было знать их намерения, количество войск, сосредоточенных перед армией.

Все наличные силы разведчиков были отправлены на задание. Даже шустрый мальчишка Коля, числившийся воспитанником, и тот упрямился, чтобы его послали на дело.

После долгих колебаний офицер разведки капитан И. Позняк отвез Колю на станцию Зимовники, где предполагалось оживленное передвижение вражеских войск. Задачу поставил такую: следить из укрытия за дорогой и считать фашистские колонны, танки, артиллерию.

Через трое суток, как и было договорено, Коля возвращался к своим. В пути его настигла машина с пятью гитлеровцами. Их интересовала дорога на Куберле. И тут у Коли мелькнула мысль: направить фашистов к своим. Так и сделал. Однако офицер заставил юного разведчика сесть к ним в машину и показывать дорогу. Коля не струсил и привел-таки в расположение штаба армии пять ценнейших «языков». За этот подвиг Коля был

награжден орденом Красной Звезды.

С полковником в отставке И. Позняком нас связывает давняя дружба. Знал я, разумеется, о том, что сам Иван Михайлович все эти годы разыскивал своего разведчика. К сожалению, поиски не приносили результата.

Два года назад в Советский комитет ветеранов войны, где трудится И. Позняк, прибыла группа юных следопытов из клуба интернациональной дружбы Красносулинского Дворца пионеров. Иван Михайлович попросил ребят помочь в розыске Коли-разведчика и тогда же вручил им «Красную звезду» с очерком «Дорога на Куберле».

Долгим и упорным был поиск красных следопытов. И вот в феврале этого года Позняк получает письмо от председателя клуба интернациональной дружбы учительницы Т. Евтуховой. «Ваш разведчик Коля. — писала Татьяна Александровна, — нашелся! Приезжайте в Ростов-на-Дону на торжества, посвященные 40-летию освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Там будут многие ваши однополчане и среди них -- Николай Яковлевич Задорожный -- тот самый Коля!».

Они встретились сорок лет спустя. Практически в тех же местах, где когда-то вместе воевали.

После войны Николай Яковлевич окончил техникум пищевой промышленности. Несколько лет был на комсомольской работе. Последние двадцать лет работает директором Первомайского молочно-консервного комбината. К боевым орденам фронтовика прибавились награды за мирный труд: ордена Ленина и Трудового

Красного Знамени. Н. Задорожный -- депутат Первомайского городского Совета народных депутатов.

Вот такой, по-настоящему прекрасной, оказалась судьба фронтового разведчика, о котором написала «Красная звезда».

Полковник в отставке

Г. ШУМИЛИН

单词注释

дорога на Куберле	通往库别尔列之路
Ростов	罗斯托夫
Дон	顿河
Коля	科利亚
Иван Михайлович Позняк	伊万·米哈伊洛维奇·波兹尼亚克
Станция Зимовники	莫夫尼基车站
Советский Комитет ветеранов войны	全苏老战士委员会
Следопыт	战绩考察者
Красносулинский Дворец пионеров	克拉斯诺苏利纳少年宫
Татьяна Александровна Евтухова	塔季亚娜·亚历山德罗芙娜·叶夫图霍娃
Ростов-на-Дону	顿河罗斯托夫
Николай Яковлевич Задорожный	尼古拉·亚科夫列维奇·扎多罗日内
Техникум пищевой промышленности	食品工业技校
Первомайский Молочно-консервный комбинат	“五一”市奶制品联合工厂
Первомайский городской совет народных депутатов	“五一”市劳动人民代表苏维埃
Г. Шумилин	舒米林

ВСТРЕЧА С ДРУГОМ

Малик ничего так не хотел в жизни, как встречи с другом, фронтовым комбатом Матвеем. Расстались они в июне сорок пятого.

Все эти годы Малик разыскивал друга. Куда только не писал, но ответа желанного не получал.

Когда в одной из центральных газет начали печатать сообщение о том, что бывшие фронтовики ищут однополчан, Малик написал в газету. И откликнулся Матвей, в гости приказал пожаловать. И вот Малик в поезде.

Вышел из вагона на тихом полустанке. Его никто не встречал. Малик вошел в маленький зал ожидания. В это время на пороге появился невысокий старик с клинышком бородки. Он спросил простуженным голосом:

-- Извиняюсь, не вы будете товарищ Малик?

-- Да, я Малик.

--Выходит, не ошибся. К Матвею, нашему колхозному инженеру, значит, приехали?

-- К нему.

--Он попросил доставить вас. Так что будем знакомы: я, значит, Сазоныч, ездовой.

-- А Матвей где?

-- Срочно вызвали в район. Будет вечером. И за ним грешок знаю

-- Что же за грешко за ним водится?

-- Алименты он платит, да не все знают об этом. Я случаем

разведал.

-- Ну и что тут такого особенного?

-- Я вот мыслю иначе. Кто такой Матвей-то? Инженер, чай, третье лицо в колхозе. Фронтовик. В партии состоит. К лицу ли ему быть алиментщиком? И что главное: Варвара, вроде б, ничего не знает. Зачем же от нее секретничать? Жена ведь.

-- Сазоныч, ну, а как трудится наш майор в отставке?

-- По работе он -- золото. Навел порядок в колхозе по своей линии. А вот по женской... -- дед многозначительно чмокнул губами, -- оказывается, неладно.

Телега остановилась у невысокой хаты. Сазоныч провел Малика в тесный дворик и крикнул:

-- Варварушка! Встречай гостя!

На крыльцо вышла высокая стройная женщина и сказала:

-- А я вас поджидаю, проходите в хату.

Неожиданно хлопнула калитка. Малик увидел Матвея. Это был он, высокий, широкоплечий, как и сорок лет назад. «В такого не грех и влюбиться», -- подумал Малик.

-- Зачем в район вызывали?

-- В военкомате был.

Малик спросил шутливо:

-- Ну, говори, кавалер, кому это ты алименты платишь?

Матвей вздохнул:

-- Кто информировал?

-- Сазоныч.

Матвей спросил:

-- Лейтенанта Кухаренко помнишь?

Малик вспомнил тот день, когда хоронили Кухаренко. Они стояли над свежим холмиком земли, выросшим под могучим дубом. Молчали. К Матвею подошел солдат и протянул конверт. Обратного адреса не было. Матвей достал из конверта тетрадный листок, пробежал по нему глазами и... уронил. Малик поднял его и прочел несколько строк. Незнакомые люди писали, что жена и дочурка Матвея погибли год бомбежкой.

Матвей грустно улыбнулся, сказал тихо:

-- Разыскал я Марию Кухаренко, друг, разыскал!

-- Когда? Где?

-- Сразу после войны. Она работает и воспитывает двух девочек, чужих. Без родителей они. Ну, а я ей предложил помощь. Вот и высылаю деньги.

Малик спросил:

-- А Варваре почему не сказала?

-- Вот чертов дед, -- выругался Матвей и засмеялся, -- наговорил он тебе семь коробов шерсти.

Малик захохотал.

Им было весело.

Малик гостил семь дней. Когда уезжал, Матвею занедужилось вновь.

Малик пригласил его в гости. Матвей обещал непременно быть. Когда Малик вернулся домой, его ждала телеграмма: «Матвей умер. Похороны в пятницу. Варвара».

Была суббота. Выходной день. Малик подошел к окну. Стоял долго, не двигаясь, не вытирая слез.

Он думал о чистоте и святости фронтового братства, о своем

друге и еще о том, что надо обязательно разыскать у Матвея адрес
Маши Кухаренко.

«Красная звезда», 29 августа 1987 г.

单词注释

Малик	马利克
Матвей	马特维
Сазоныч	萨佐内奇
Варвара	瓦尔娃拉
Варварушка	瓦尔娃鲁什卡
Кухаренко	库哈连科
Мария	马里娅
Маша	马莎

ПИСЬМО

Невыдуманный рассказ

Письмо... Оно лежало на моем столе. Лежало непрочитанное, но глубоко волновавшее меня. Неровные строчки о чем-то очень просили. О чем? Я понял не сразу...

В детстве я не думал, что письма можно получать и от мамы. Не думал – ведь она всегда была рядом со мной.

Одним мгновением пронеслись школьные годы. Я стал солдатом. За день, крепко намаявшись (верно говорят: трудна армейская наука), с нетерпением ожидали вечера. Вечером можно было отдохнуть. А еще... после ужина мы тесным кольцом окружали ротного почтальона. Он становился для нас в это время самым желанным человеком.

«Санько... Логинов... Мурадян», – выкрикивал он, поднимая над головой руку с чьим-нибудь письмом.

Счастливики! Они уединялись, бережно вскрывали конверты и вели тихую, неторопливую беседу с родными, друзьями...

Я тоже каждый вечер ждал писем. Очень ждал. И тоже бывал счастливицом. А на следующий вечер я снова втискивался в круг и чутко прислушивался к голосу почтальона. Я любил получать письма. Особенно мамины. Она писала мне просто. Писала порой несвязно, но так подробно, что я всегда был в курсе всех станичных новостей.

«Сынок, добрый урожай у нас ожидается: снегу-то в полях навалило...» – читал я. Читал -- и видел перед собой золотистое,

волнистое кубанское поле пшеницы. Ощущал приятный запах спелых колосьев. И таким близким, очень родным веяло от маминых писем, словно я был там, рядом с ней. Заканчивала она неизменной просьбой. Одной единственной: «Дюже, сыночек, соскучилась я за тобой. Прилетел бы на денек...»

Знала: нельзя мне «прилететь на денек» – военный человек я. Знала, но просила. Видно, сердцу трудно приказать. Просила, когда служил срочную, потом, когда стал курсантом военного училища. Не изменила своей просьбе и тогда, когда на мои плечи легли офицерские погоны.

Все отпуска, какие мне только полагались, я проводил в родной станице. Наши встречи, как и расставания, омывались мамиными слезами. Подносила уголок платка к глазам, когда встречались. Плакала, провожая. В такие трудные для нас минуты и я прятал от нее свои вдруг повлажневшие глаза.

Я уезжал. И снова были письма. Мамины письма. Как уже много лет подряд – одно в неделю. Я любил эти письма, как саму маму. Они для меня были добрым и всегда желанным советчиком и собеседником. Привык к ним. Но вдруг... Писем не стало. Раньше, читая смешные подробности: «У Егоровны, что у речки живет, поросенок пропал...» – я улыбался. Теперь же как-то очень затосковала душа, сразу потянуло к тем родным и милым новостям. Я уже не видел перед собой ни спелого поля пшеницы, ни речки, которая тихо несла свои воды у маминого огорода. Потянуло туда, где я родился, где была мама, так сильно, будто не стало в моей жизни ничего более ценного, более важного.

Дал телеграмму. А через несколько дней получил письмо.

Глянул на конверт -- смутной тревогой повеяло от незнакомого почерка. Разорвал конверт. Прочел: «Не волнуйтесь, Николай, все будет хорошо. У вашей матери что-то с глазами... Письма вам будем писать мы, соседи».

«Что-то с глазами...» – пронзила как стрела жгучая мысль. У мамы раньше со зрением было неважно. Жаловалась: «С каждым годом зрение теряю. Пеленой глаза заволакивает». Жаловалась, а к врачу идти не спешила. А когда мы уже вместе пришли, он, давая лекарства, сказал: «От старости это. Надо лечиться».

Не однажды я предлагал маме жить у меня, в городе. Здесь и удобств больше, и врачи ближе. В ответ мама усаживала меня на стул, внимательно посмотрев, тихо говорила: «Нет, сынок, никуда я с насиженного места не сдвинусь. Не угнаться мне в свои годы за вашей городской жизнью. Не привыкну я к ней. А здесь знакомых много, родные близко. Человеку, сынок, там слаще, где он долго прожил, где корни свои крепко пустил».

В душе я соглашался с ней. И все же...

Вот уже который месяц я получал письма, в которых все вроде было знакомо, но эти письма уже не мамины. Писали соседи, писали знакомые. Не писала только мама.

... Помню вечер, теплый и ласковый, как мамины руки. Я пришел со службы домой. По привычке заглянул в почтовый ящик. Там лежало письмо. На кухне я раскрыл конверт. С тетрадного листа на меня смотрели какие-то каракули. Попробовал читать... И вдруг пойманной птицей забилося сердце. В моих руках снова было родное письмо! Мамино письмо. Она писала его как смогла. По

памяти. Не видя, а чувствуя строчки. С женой и сыном мы допоздна
силились прочитать мамино письмо, но не смогли.

Утром я проснулся первым. На моем столе лежало так и не
прочитанное, но уже очень прочувствованное письмо. Теперь я
знал, о чем просили строчки.

Тихонько собрался, шепнул жене: «Пойду к командиру».

Через несколько часов самолет уносил меня в родные
края...

Капитан Н. ЗУБЦОВ

«Советский воин», № 14, 1980 г.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

В ночь на 22 июня 1941 года -- всем работникам Генштаба и Наркомата обороны было приказано оставаться на своих местах. Необходимо было как можно быстрее передать в округа директиву о приведении приграничных войск в боевую готовность. В это время у меня и у наркома обороны шли непрерывные переговоры с командующими округами и начальниками штабов, которые докладывали нам об усиливавшемся шуме по ту сторону границы. Эти сведения они получили от пограничников и передовых частей прикрытия.

Примерно в 12 часов ночи 21 июня командующий Киевским округом М. П. Кирпонос, находившийся на своем командном пункте в Тернополе, доложил по ВЧ, что, кроме перебежчика, о котором сообщил генерал М. А. Пуркаев, в наших частях появился еще один немецкий солдат -- 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии. Он переплыл речку, явился к пограничникам и сообщил, что в 4 часа немецкие войска перейдут в наступление. М. П. Кирпоносу было приказано быстрее передавать директиву в войска о приведении их в боевую готовность.

Все говорило о том, что немецкие войска выдвигаются ближе к границе. Об этом мы доложили в 0.30 минут ночи И. В. Сталину. И. В. Сталин спросил, передана ли директива в округа. Я ответил утвердительно.

Под утро 22 июня нарком С. К. Тимошенко, Н. Ф. Ватутин и я находились в кабинете наркома обороны.